

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(6), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Гудкова С. П. Крым эпохи Великой Отечественной войны в лирике поэтов-фронтовиков : особенности интерпретации «военного» мифа / С. П. Гудкова, Е. О. Шеянова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 6. — С. 299—316. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-299-316.

Gudkova, S. P., Sheyanova, E. O. (2026). World War II Crimea in Lyric Poetry of Frontline Veterans: Interpreting Poetics of “Military” Myth. *Nauchnyi dialog*, 15 (6): 299-316. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-299-316. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Крым эпохи Великой Отечественной войны в лирике поэтов-фронтовиков: особенности интерпретации «военного» мифа

Гудкова Светлана Петровна
orcid.org/0000-0002-5894-6347
доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
русской и зарубежной литературы,
корреспондирующий автор
sveta_gud@mail.ru

Шеянова Елизавета Олеговна
orcid.org/0009-0001-0487-4173
аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
sheyanovali1605@mail.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 25-28-02195
<https://rscf.ru/project/25-28-02195/>
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева

World War II Crimea in Lyric Poetry of Frontline Veterans: Interpreting Poetics of “Military” Myth

Svetlana P. Gudkova
orcid.org/0000-0002-5894-6347
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of Russian and Foreign Literature,
corresponding author
sveta_gud@mail.ru

Elizabeth O. Sheyanova
orcid.org/0009-0001-0487-4173
Postgraduate student of the Department
of Russian and Foreign Literature
sheyanovali1605@mail.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-02195
<https://rscf.ru/project/25-28-02195/>
National Research Ogarev
Mordovia State University

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются особенности интерпретации «военного» мифа в творчестве поэтов-фронтовиков, принявших непосредственное участие в исторических событиях, происходивших на территории Крыма эпохи Великой Отечественной войны. Впервые в поэзии Н. Панченко, Н. Тарасенко, Г. Поженяна проанализированы поэтологические особенности крымского текста. Установлено, что обозначенные авторы обращаются к крупным жанровым формам, синтезирующим в себе черты поэмы, стихотворного рассказа, поэтического репортажа, способным передать всю полноту масштабных крымских событий 1941—1945 годов. Показано, что «военный» миф становится сюжетообразующей доминантой стихотворных текстов «Крым» Н. Панченко, «Розовая незабудка», «Отвлекающие десанты» Н. Тарасенко и «Ветер с моря» Г. Поженяна, основанных на синтезе документального и художественного, где важную роль играют точность и детальность событий в сочетании с их эмоционально-авторской оценкой. Доказывается, что мифологизация конкретно-исторических событий (оборона Севастополя, Керченско-Феодосийская и Керченско-Эльтигенская десантные операции) основана не на романтическом пафосе и гиперболизации подвига, а на передаче внутреннего переживания реальной действительности лирическим героем, тесно слитым с образом самого поэта. Отмечается, что «военный» миф обогащается за счет черт античного мифа и сакрализации крымского тоposa как хранителя культурно-исторического прошлого.

Ключевые слова:

образ Крыма; крымский текст; военный миф; русская поэзия; поэты-фронтовики; документальная основа поэзии; свидетельская литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the specific mechanisms for interpreting the “military” myth within the oeuvre of frontline poets who participated directly in the historical events that unfolded on the territory of Crimea during the Great Patriotic War. This study offers the first analysis of the poetological specificities of the Crimean text as manifested in the verse of N. Panchenko, N. Tarasenko, and G. Pozhenyan. It is established that these authors turn to large-scale generic forms synthesizing the features of the long poem (*poema*), verse narrative, and poetic reportage — modes capable of conveying the full magnitude and complexity of the pivotal Crimean campaigns of 1941–1945. The argument demonstrates that the “war myth” functions as a plot-generating dominant in such texts as N. Panchenko's “Crimea,” N. Tarasenko's “Pink Forget-Me-Not” and “Diversionary Landings,” and G. Pozhenyan's “Wind from the Sea.” These poems are grounded in a synthesis of documentary evidence and artistic fiction, wherein factual precision and granular event detail coexist with profound emotional-authorial evaluation. The paper argues that the mythologization of concrete historical episodes — specifically the Siege of Sevastopol, the Kerch-Feodosia Operation, and the Kerch-Eltigen amphibious landings — eschews romantic pathos and hyperbolic glorification of heroism. Instead, it relies on rendering the internal experience of reality through a lyrical persona deeply fused with the biographical image of the poet himself. Furthermore, it is noted that the “military myth” is enriched through an intertextual dialogue with classical antiquity and the sacralization of the Crimean *topos* as a repository of cultural and historical memory.

Key words:

the Crimean landscape; the Crimean text; military mythopoeics; Russian poetry; frontline veteran poets; documentary basis of lyric poetry; testimony literature.

УДК 821.161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-299-316

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Крым эпохи Великой Отечественной войны в лирике поэтов-фронтовиков: особенности интерпретации «военного» мифа

© Гудкова С. П., Шеянова Е. О., 2026

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия в отечественном литературоведении заметен устойчивый интерес к топическим сверткам, особое место среди которых занял крымский текст [Люсый, 2003; Курьянова, 2015; Курьянов, 2025 и др.]. Это понятие во многом было инициировано работами В. Н. Топорова о Петербургском тексте русской литературы [Топоров, 2003]. Исследователь впервые обратил внимание на особенности текста, связанного с петербургскими реалиями, и обосновал критерии его выделения на материале русской словесности, учитывая способы языкового кодирования. По аналогии с данным явлением в последние годы начала активно разрабатываться проблема топических текстов (локальных и региональных) [Меднис, 1999; Абишев, 2008; Гаврилина, 2012]. В начале XXI века термин *крымский текст* в научный оборот вводит А. П. Люсый в своей кандидатской, а в последствии и докторской диссертациях [Люсый, 2003; Люсый, 2017]. Ученый устанавливает, что крымский текст возник в «рамках Таврического мифа, являющегося в свою очередь южным полюсом Петербургского мифа» [Люсый, 2003, с. 19]. В дальнейшем данное понятие закрепляется в отечественной науке благодаря работам Е. К. Беспаловой, С. О. Курьянова, В. В. Курьяновой, Е. Ю. Лисицыной и др. [Беспалова, 2006; Курьянова, 2015; Лисицына, 2019; Курьянов, 2025]. Несмотря на многочисленность работ по данной теме, развёрнутое определение понятия крымского текста применительно к художественной литературе даёт лишь В. В. Курьянова, отделяя его от культурологических детерминант и понимая под крымским текстом семантически связанную с Крымом «систему представлений о человеке и мире, которая отражает неповторимость крымской земли, является её знаковой манифестацией и закреплена в произведениях писателей. Крымский текст формируется в определённый историко-культурный период под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма. Он воспринимается обязательно и только с помощью единого интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процес-

са» [Курьянова, 2015, с. 5]. При этом исследовательница уточняет, что крымский текст в русской литературе вырос из крымской темы и крымского мифа и «сам способствует мифологизации пространства» [Курьянова, 2015, с. 6].

Генезис крымской темы ученые обнаруживают в литературе Древней Руси, где начинают отражаться мифологические представления о Крыме («Корсунская легенда», «Повести временных лет», житийная литература и др.). Активный процесс мифологизации образа Крыма начинается в эпоху сентиментализма и романтизма, что связано с присоединением в конце XVIII века южного полуострова к России. Более подробно понятие «крымский миф» рассматривается в работе С. О. Курьянова, где исследователь заостряет внимание на том, что «постоянное внимание к Крыму в литературе вызывается и поддерживается теми или иными историческими событиями, связанными с крымской землей (крещение князя Владимира, война с Крымским ханством, завоевание Крыма, Крымская война и т. п.)» [Курьянов, 2025, с. 30]. На основе константных исторических событий литературовед выделяет шесть инвариантов крымского мифа: «христианский», «восточный», «райский», «античный», «военный» и «курортный» [Курьянов, 2025, с. 30].

Объектом нашего внимания является «военный» миф. С. О. Курьянов связывает его появление прежде всего с Крымской войной («миф о Крыме как центре Крымской войны» [Курьянов, 2025, с. 30]). Однако следует заметить, что «военный» миф не просто описывает военные действия на полуострове определенного периода, а формирует в общественном и литературном сознании комплекс устойчивых представлений о Крыме как о месте масштабного исторического противостояния. Продолжая традиции русской поэзии второй половины XIX века, отразившей эпохальные события времён Крымской войны 1853—1856 годов (Ф. Глинка, А. Апухтин, Ф. Тютчев, Н. Некрасов, Л. Мей, В. Бенедиктов, А. Толстой и др.), поэты-фронтовики Великой Отечественной войны (Н. Панченко, Н. Тарасенко, И. Сельвинский, К. Симонов, Ю. Друнина, А. Лесин, Б. Серман, С. Пивоваров, А. Красовский и др.) во многом дополняют семантические коды «военного» мифа своими глубокими лирико-философскими размышлениями о трагических событиях русской истории. Великая Отечественная война оставила глубокий след на крымской земле, и защита Крыма, особенно героическая оборона Севастополя, стала одной из самых значимых и героических её страниц.

В связи с этим **актуальность** настоящего исследования заключается в необходимости углубить понимание о становлении и развитии крымского текста в русской литературе. Многоаспектное осмысление одного из инвариантов крымского мифа, а именно «военного», и особенностей его бытования в творчестве поэтов-фронтовиков, принявших непосредственное участие в трагических событиях, происходивших на территории южного полуострова во время Великой Отечественной войны, даёт возможность уяснить специфику русского мифологического мышления, а также раскрывает современному читателю богатейший художественный материал, отражающий реалии исторического прошлого России. Выявление поэтологических

особенностей лирических произведений, посвященных военным событиям, происходящим на территории Крыма, продиктовано необходимостью дальнейшего осмысления крымского текста в русской поэзии и его влияния на формирование духовно-нравственной основы современного человека.

Цель определила решение ключевых *задач*: во-первых, рассмотреть исторические события в Крыму 1941—1945 годов как основу «военного» мифа крымского текста; во-вторых, выявить особенности репрезентации крымских событий эпохи Великой Отечественной в лирике Н. Панченко и Н. Тарасенко, принявших непосредственное участие в защите Крыма от немецких захватчиков; в-третьих, изучить соотношение документального и художественного в поэме Г. Поженяна «Ветер с моря».

Объектом исследования становятся поэтические тексты Н. Панченко, Н. Тарасенко, Г. Поженяна, *предметом* — особенности интерпретации «военного» мифа в творчестве поэтов-фронтовиков, отразивших крымские события эпохи Великой Отечественной войны.

Практическая значимость статьи состоит в том, что её выводы могут способствовать углубленному изучению крымского текста в рамках спецкурсов, посвящённых русской литературе XX столетия, а также творчеству писателей военного поколения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили стихи и поэмы поэтов-фронтовиков Н. Панченко, Н. Тарасенко, Г. Поженяна, которые приняли непосредственное участие в освобождении Крымского полуострова от немецких оккупантов во время Великой Отечественной войны. В основу их поэтических текстов были положены важные исторические события (Керченско-Феодосийская десантная операция, Керченско-Эльтигенский десант и др. операции по освобождению Крыма). Поэтические тексты, вошедшие в антологии «У Времени на юру. История Крыма в русской поэзии» [У Времени на юру, 2014] и «Крым в поэзии» [Крым в поэзии, 2014], демонстрируют синтез документального и художественного начал, являются яркими эмоциональными свидетельствами русской истории. Как справедливо отмечает Л. Н. Корнеева, «большинство военных крымских стихотворений отражают события в стихах самого отчаянного сопротивления врагу. <...> в поэтических откликах на эти события — не обобщенные описания военных операций в героико-пафосном стиле, а трогательный рассказ о конкретных людях в жерле событий войны, вопль невыразимой боли или жест сердечного сочувствия судьбе людей, переживших ад войны» [Корнеева, 2014, с. 439—440.]

Методологической основой работы явились сравнительно-исторический метод, при помощи которого был обозначен процесс развития «военного» мифа в русской литературе; культурно-исторический метод, позволивший установить документальную основу поэтических текстов; метод целостного анализа художе-

ственного произведения, выступивший ключевым в рассмотрении образа Крыма сквозь призму преломления событий Великой Отечественной войны.

Теоретической базой исследования стали работы по изучению свертхтекста как общефилологического феномена [Лютман, 1992; Меднис, 1999; Топоров, 2003; Люсый, 2003; Абишев, 2008; Гаврилина, 2012], в которых текст характеризуется прежде всего как данность культурологического порядка с присущими ей эстетическими, этнокультурными и поведенческими стратегиями. Кроме того, важными источниками явились исследования, в которых помимо литературоведческого осмысления крымского текста как топического свертхтекста русской литературы рассматриваются его генезис, структура, специфика функционирования и обосновывается понятие «крымский миф» применительно к произведениям русской словесности XIX—XXI веков [Курьянова, 2015; Курьянов, 2025; Орехов, 2017; Лисицына, 2019; Гудкова, Шеянова, 2024]. Методологически значимыми стали также труды отечественных историков, дающие оценки развернувшимся на территории Крыма событиям Великой Отечественной войны [Гладков, 1981; Гармаш, 2004; Абрамов, 2006].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исторические события в Крыму 1941—1945 годов как основа «военного» мифа крымского текста

В современной отечественной науке о литературе весьма дискуссионной остается проблема функционирования мифа, так как сегодня миф в литературоведении не является только видом древнего архаического мышления, «границы этого понятия не остались в пределах индивидуально-авторского сознания, миф существует в пространстве между художественным текстом и сознанием воспринимающего его носителей культуры» [Бондарев, 2008 с. 7]. Крымский миф применительно к осмыслению понятия «крымский текст», по справедливому замечанию исследователей, выступает «объединяющим и цементирующим началом. <...> Крымский миф значительно шире себя самого, зафиксированного текстуально. Он “выходит” за пределы текста и начинает существовать в виде мифических понятий и представлений, закрепляясь в воспринимающем сознании и постепенно порождая специфическую крымскую мифологию» [Курьянов, 2025, с. 30].

Одним из ярких инвариантов крымского мифа, как утверждают учёные, является «военный», связанный прежде всего с событиями Крымской войны 1853—1856 годов [Там же, с. 30]. Справедливости ради отметим, что данный инвариант крымского мифа был подготовлен задолго до начала данного исторического события. Его генезис обнаруживается еще в античности, где крымский текст переосмысливает античный миф об Ифигении, связанный с Троянской войной и культом Артемиды. Хотя в нём не упоминается прямое сражение, однако в мифе заложен архетип жертвенного ритуала, предшествующий военной тради-

ции. Этот архетип проецируется на все последующие войны за Крым. Следующей легендарной эпохой становится XVIII век, когда был издан манифест Екатерины II о присоединении Крыма (1783). Он явился итогом военной кампании Григория Потёмкина в Крыму 1782—1783 годов. Далее — это героическая оборона Севастополя эпохи Крымской войны (1854—1855) и Великой Отечественной (1941—1942). При этом, заметим, война во многом репрезентируется, во-первых, как сакральное действо, при котором битва предстает как жертвоприношение или мистерия; во-вторых, как испытание духа нации, моральных качеств человека; в-третьих, как место подвига.

Существенный вклад в понимание крымского текста вносит и поэзия эпохи Великой Отечественной войны, раскрывающая трагическую судьбу Крыма, отмеченную героической обороной, жестокой оккупацией, массовым сопротивлением и глубокими демографическими потрясениями.

Крымский полуостров одним из первых принял на себя трагические удары Великой Отечественной войны. С первых дней войны немецкая авиация начинает обстрел Севастополя и его прибрежных зон. Боевые действия на территории Крыма начались в сентябре 1941 года, когда немецкая армия развернула наступление с целью прорыва через Перекопский перешеек. Героическая оборона Севастополя продолжалась 250 дней (с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 года). Несмотря на многократное превосходство противника в авиации и артиллерии, защитники города оказывали ожесточенное сопротивление. Среди героических страниц Крымского полуострова военного периода необходимо выделить Керченско-Феодосийскую десантную операцию, которая продолжалась с декабря 1941 по май 1942 года. Её целью было отвлечение сил противника от Севастополя и освобождение Крыма от врагов. Изначальные успехи Красной Армии закончились её тяжёлым поражением («Керченская катастрофа»), что предопределило падение Севастополя. Оборона Севастополя стала символом мужества, стойкости и героизма советских воинов, большая часть которых была уничтожена. Период оккупации стал временем жёсткого террора и трагедий для жителей Крыма. На его территории нацисты и их пособники проводили политику систематического уничтожения евреев, крымчаков, цыган. Наиболее известным местом расправ является Бабий Яр в Симферополе. Всего за время оккупации были уничтожены десятки тысяч мирных граждан [Абрамов, 2006].

Долгожданное освобождение Крыма связано с весенним наступлением 1944 года (8 апреля — 12 мая), когда советскими войсками была проведена блестящая операция по освобождению Крыма, в результате которой один за другим были освобождены Джанкой, Симферополь, Феодосия, Севастополь и др. города. Оборона и освобождение Крыма являются одной из самых кровопролитных страниц Великой Отечественной войны [Гармаш, 2004; Абрамов, 2006].

Значительную роль в репрезентации крымских событий сыграла литература и публицистика. Многие писатели и поэты, такие как К. Симонов, П. Павлен-

ко, В. Овечкин, И. Сельвинский, Б. Серман и многие другие, выполняя функцию военных корреспондентов, в своих очерках освещали реальное положение дел на Крымском фронте. Не менее значительную роль в раскрытии драматических событий периода обороны Севастополя и освобождения Крыма сыграла и поэзия военных лет. Её оперативная реакция на события, особая эмоциональность и исповедальность в осмыслении кровавых страниц истории, глубокий лиризм — позволили поэтам-фронтовикам создавать правдивые «поэтические репортажи, наполненные эмоциональным откликом на происходящее» [Гудкова и др., 2025, с. 370]. После окончания войны они продолжали писать о незатихающей боли, которую им пришлось пережить. Многие стихи, написанные в годы войны, были опубликованы уже в мирное время.

Осмысливая вклад поэтов-фронтовиков, Л. Н. Корнеева отмечает: «Советские поэты мужественно продирались сквозь ужасы ошеломляющей трагедии, постигшей страну. Надрывая сердце, искали устойчивые духовные и нравственные основы. Ведь в этом разверзшемся аду истории штампованные предвоенные пропагандистские внушения “непобедимости” советской армии, об интернациональном единстве пролетариата всех стран развеялись в одночасье. И советские поэты внесли свой вклад в великое открытие русской литературы военной поры» [У Времени на юру ..., 2014, с. 428]. Поэты-фронтовики искали примеры мужества и героизма в отечественной истории, демонстрируя образцы патриотизма и стойкости нации.

Среди многоликих поэтических голосов военного времени необходимо выделить творчество тех авторов, кто непосредственно принимал участие в боевых действиях в Крыму, — это И. Сельвинский, К. Симонов, Ю. Друнина, Н. Панченко, Б. Серман, Н. Тарасенко, Г. Поженян, Н. Бербер и др. Их творчество, безусловно, вносит значительный вклад в осмысление крымского текста. В этом отношении поэзия военных лет актуализирует, во-первых, географический топос как место действия, где происходили важные исторические события. Осмысливая их, поэты часто проецируют в единое смысловое ядро героическое прошлое и настоящее, показывая связь времён (античный и военный мифы). Во-вторых, военная лирика демонстрирует документальную точность в изображении крымских событий эпохи Великой Отечественной войны, и, в-третьих, она репрезентирует авторское отношение к Крыму и его культурному наследию как сакральному Дому, являющемуся неотъемлемой частью России.

3.2. Особенности репрезентации крымских событий эпохи Великой Отечественной в поэзии Н. Панченко и Н. Тарасенко

Следует отметить, что в большинстве поэтических текстов, написанных сразу по следам трагических событий, ощущается весь драматизм и ужас войны. Во многом продолжая реалистическую традицию в изображении истинного «лика войны», представленного в творчестве Л. Н. Толстого («Севастопольские рассказы»), поэты-фронтовики реконструируют реальную картину отступлений, потерю родной земли, когда недавняя мирная жизнь Крымского полуострова с его за-

вораживающей природой, богатым культурным наследием превращается в дым, наполняется свинцом артиллерийских орудий. Так, например, начало немецкой оккупации Крыма — один из самых тяжёлых моментов войны — запечатлено юношеским взглядом поэта Николая Панченко: *«Крым — остров / Или полуостров — / Овраги, горы и холмы... / Враги вошли в тебя: «Nach Osten» / И из тебя бежали мы. / <...> / Крым — свет моей души / И горе: / Металл в висок. / Удар под дых. / <...> / Как страшно я тебя теряю, / Как чувство — веровать, любить...»* [У Времени на юру, 2014, с. 382].

Эти стихи были написаны восемнадцатилетним поэтом, воевавшим на Воронежском и Украинском фронтах. Сбившееся дыхание солдата, боль и разочарование передаются через необычный ритмико-интонационный рисунок тонического стиха; недоговорённость, отступление от структурированного способа рифмовки создают ощущение эмоционального надрыва, нехватку воздуха, так как русский солдат переполнен гневом и болью. Многие военные стихи Н. Панченко, отличающиеся «окопной правдой», дошли до читателя только во второй половине XX столетия. Первый сборник поэта «Теплынь» был издан в 1958 году. В него вошли многие стихи, рассказывающие о человеке на войне, о его «расстрелянном сердце» («Баллада о расстрелянном сердце», «Поединок», «Баллада о пяти черноморцах», «На знакомых горах», «В Крым!», «У порога Крыма» и многие другие). Указывая на значимость военной лирики Н. Панченко, С. Чупринин отмечает: «Уступая, быть может, некоторым своим сверстникам-поэтам в живописной яркости батальных сцен или в чеканной афористичности художественного обобщения, Николай Панченко как никто другой силён в рассказе о том, что творилось в душе солдата, в душе юноши, вынужденного быть беспощадным мстителем, но вопреки всему тянувшегося к милосердию, к свету...» [Там же, с. 383].

Первые бои за Севастополь представлены и в военной лирике Николая Тарасенко. Для него Крымский полуостров — это место рождения, малая родина. Он родился в Севастополе, там прошли его детские годы, учёба в Севастопольском Военно-морском училище. Поэт встает на защиту своей родины в самом начале войны, вступая в ряды Севастопольской обороны 237-го полка, 5-ой ударной армии, и завершает её в Берлине. Пройдя плен, побег из него, тяжёлые ранения, Н. Тарасенко писал исповедальные стихи, пронизанные правдой о тех суровых годах войны. Так, например, стихотворение «Розовая незабудка» становится своеобразным поэтическим памятником советским матросам, героически отдавшим свою жизнь в первых боях за Севастополь. В посвящении автор указывает точный адресат: *«Юношам осени сорок первого, / село на подступах к Севастополю, / ныне Верхнесадовое»* [Там же, с. 662]. Стихотворение имеет документальную основу. Оно посвящено подвигу пяти «истребителей танков», — так были названы пятеро матросов, — Николай Фильченков, Иван Красносельский, Василий Цибулько, Юрий Паршин и Даниил Одинцов, которые, вооруженные лишь винтовками и гранатами, 7 ноября 1941 года вступили в неравный бой с семью немецкими танками. Отряд

матросов уничтожил три танка, не пропустив остальных. П. Гармаш в своей книге «Город-герой Севастополь» отмечает, что «подвиг моряков был широко известен в стране еще тогда, в дни войны» [Гармаш, 2004, с. 45].

Отталкиваясь от конкретно-исторического контекста, поэт создает лирико-драматическую элегию. Символично название стихотворения «Розовая незабудка», которое актуализирует размышление о памяти, времени, цене подвига и связи поколений. Это ключевой амбивалентный символ: с одной стороны, — это цветок памяти, след раны; с другой, — «розовый» — цвет жизни, юности, надежды, «отменяющих» смерть. Таким образом, сам поэтический текст становится вербальным памятником, дополняющим каменный монумент: *«Цвет выцветшей крови, живая по склонам трава, / букет поминальный на камне, где славы слова / Матросу героическому памятник. Было. Всё так: / швыряет он связку гранат в на- ползающий танк»* [Крым в поэзии ..., 2014, с. 662].

Атмосфера героико-романтического пафоса, передающая подвиг матросов, сменяется горькой, шокирующей правдой, пропущенной через личное переживание, опыт самого автора. Используя короткие, «рубленные» фразы, недоговорённость, ритмические паузы, инверсию, поэт создаёт эффект прерывистого дыхания, волнения, боли: *«...и перебегающий падает, видимый всем, / был только что рядом... надолго залёг. Насовсем. / Неопытных юношей бедствием было под- дых, / но враг, наступая, споткнулся о молодость их»* [Там же, с. 663].

Автор мифологизирует географическое пространство Крымского полуострова, вводя аллюзивный план далёкого прошлого: *«В бинокли столетий / ущелье видеть Фермопил... / Так склоны вот эти / знобят очертаньем могил. / Кто вы- жил и дожил, приходит сюда помолчать...»* [Там же, с. 663].

Следует отметить, что частный эпизод Великой Отечественной войны возво- дится в ранг вечного подвига, сравнимого с битвой спартанцев, принявших участие в Фермопильском сражении, в котором под давлением персидской армии стойко дер- жал оборону небольшой отряд спартанцев. Война осмысливается автором как часть общечеловеческой истории героизма и самопожертвования. Мифологический план связывает в единое смысловое ядро исторические контексты, тем самым актуализи- руя связь времён и память о трагических событиях прошлого. Этой же цели служит и кольцевая композиция (поэтический рефрен: *«Его незабудка, цвет выцветшей кро- ви, жива, / Букет поминальный на камне. И славы слова»* [Там же, с. 663]).

Таким образом, небольшое стихотворение Н. Тарасенко становится не про- сто элегическим размышлением о войне, оно репрезентирует сложно организо- ванный художественный мир, где сталкиваются миф и реальность, история и лич- ная боль, вечная природа и смерть. Поэт не воспевает подвиг, а вспоминает его цену, делая читателя со-участником этой памяти. Через шокирующую конкрети- ку боя и тишину современного мемориала автор показывает, что истинная слава живёт не в бронзе, а в земле, поросшей травой, и в молчании тех, кто приходит к этой земле вспомнить о тех событиях.

Своеобразным поэтическим репортажем становится и поэма Н. Тарасенко «Отвлекающие десанты», посвященная подвигу малого Коктебельского десанта (32 человека), который выполнял тактическую задачу отвлечения сил противника от Керченско-Феодосийской десантной операции, начавшейся 25 декабря 1941 года. Его целью было вызвать на себя бой коктебельского гарнизона врага, чтобы он не смог выйти на помощь немецким и румынским частям. Добровольцы отряда, зная о вероятной гибели, проявили мужество и выполнили поставленную задачу. При сложнейших погодных условиях, сильном шторме, морозе, они на надувных лодках двинулись к берегу. Враг их обнаружил ещё при приближении и открыл по ним огонь, но бойцы смогли продержаться несколько часов в обороне, отвлекая силы противника от основной операции. Только небольшая группа раненых десантников смогла скрыться в горах и в дальнейшем присоединиться к советским войскам. Среди выживших был и друг поэта Анатолий Пламеневский. Его воспоминания и легли в основу поэмы «Отвлекающие десанты», воссоздающей как документальные подробности той трагической ночи, так и психологические детали внутреннего мира человека, пережившего это событие. Поэтому не случайно эпиграфом к поэме выступают строки, актуализирующие мотив памяти о войне: *«Урок поколений войны до конца / не разгадан, / забытые вспыхки на мой набегают экран. / А сколько их, лет этой ленты, / осталось за кадром, / В масштабе двухверстки, который мне / памятью дан!»* [Тарасенко, 1983].

Поэма имеет сложную архитектуру (вступление и 16 частей), необычный ритмико-интонационный рисунок и многоликий повествовательный нарратив. Синтез данных композиционных составляющих — это сознательная авторская стратегия, направленная на выполнение определённой идейно-смысловой функции: не только рассказать о героизме и мужестве неизвестных героев войны, но и утвердить значимость тех трагических событий отечественной истории для будущих поколений. С этой целью автор избирает несколько повествовательных точек зрения: во-первых, — это лирический герой, тесно слитый с обликом автора, который знакомит читателя со своей юностью, родным довоенным городом Севастополем; во-вторых, — это участник Коктебельского десанта, глазами которого передаются основные события; и, в-третьих, — это обобщенный образ солдата, прошедший войну с её первых и до последних дней, для которого Крым является неотъемлемой частью родного пространства.

В поэме также используется кольцевая композиция: первая и последняя части несут в себе обобщение опыта человека, прошедшего сложные дороги войны. Акцентируя трагедию войны, поэт обращает внимание на её отдельные судьбы: *«Смерть и война — что ночью колея: / для всех одна, и каждому своя»* [Там же].

Для автора важными становятся точные детали, бытовые подробности довоенной жизни. Мозаичными заметками рисуются топосы, связанные с местом учёбы, прогулками лирического героя. Читатель словно погружается в довоенную жизнь Севастополя, проходит вместе с героем и его другом по городским

набережным, наблюдает за морским бризом, идёт с ними на первое свидание, становится очевидцем их юношеской влюбленности: *«Сияют бляхи лунным блеском, / мы с другом, Толей Пламеневским, / на увольнении вдвоем. / Частят сердца. / Свиданья ждем»* [Там же].

Первые шесть частей поэмы — это воспоминание о мирной жизни, о беззаботной юности, первой любви и первых дней войны, когда молодость друзей прерывается в одиночасье, их дороги расходятся. С этого момента меняется и субъект повествования. Автор передаёт свои права участнику событий — Анатолию Пламеневскому: *«Отсюда / десанту / притихнувший стих посвящен, / геройская тема отыщет созвучия снова. / Отныне с поэмой расставившийся я — это он, / курсант Пламеневский. / Ему и поручено слово»* [Там же].

Лирический рассказ от первого лица придает исповедальный характер повествованию. Опора на точные детали, важные подробности подчёркивает документальную основу происходящих событий: *«Я вызвался — в отвлекающий... / в свой завтрашний бой неравный, / от сердца не отлегающий / ещё предстоящей раной. / Ещё неизвестной долей — / пробиться или упасть, / ещё ты живой, Анатолий, / зачисленный в славную часть: / “32 человека, Коктебельский десант”»* [Там же].

Вместе с тем важную идейно-смысловую функцию несёт и внутренний монолог героя, передающий ощущения человека, идущего на смерть. Однако душевные переживания героя, не уводя его от фиксации боевых действий, ярости атак и ярких лучей прожекторов, сливающихся со стихией шторма. Кроме того, герою важно осознавать близость сакрального родного пространства, наполненного знаковыми мифологемами. Герой четко ощущает, что он выступает защитником родной земли, национальных ценностей, которые не должны быть уничтожены. Отсюда значимыми композиционными элементами, скрепляющими лирический сюжет поэмы, выступают и культурные образы волошинских мест — как неотъемлемой части крымского топоса: *«И странное дело: пока грохотало кругом, / какие-то мирные мелочи краешком лезли. / Здесь должен быть домик. / Художник в нём жил и поэт. / В кольце автоматной, ракетной и пушечной бури / он так беззащитен, душой источаемый свет, / маячный фонарик искусства...»* [Там же].

Волошинские места, «Дом Поэта», литературная атмосфера, родная природа Крыма — все это становится частью памяти матроса, идущего на смерть. Отсюда важное смысловое наполнение приобретает финальная, шестнадцатая часть поэмы, в которой вновь меняется нарраторская позиция. Повествование здесь снова ведётся от лица автора, который, завершая рассказ о конкретном историческом эпизоде войны, актуализирует мысль о героизме неизвестных солдат. Заголовочный комплекс поэмы «Отвлекающие десанты» становится собирательным образом всех безвестных героев, чья гибель была предрешена: *«... А сколько их, лет этой ленты, / осталось за кадром, / в масштабе двухверстки, который мне памятью дан. / Судакский был малый десант, а еще Новосветский... / Кто в горы прорвался, по тем обелиски скорбят. / в лесах, на яйле — обелиски, как белые свечи...»* [Там же].

Поэт снимает с войны героико-патетический пафос и показывает её страшную изнанку: победа достигается не только громкими атаками, но и тихим, сознательным самопожертвованием «отчаянных ребят», вызывающих огонь на себя ради выполнения масштабных задач наступления. Обращаясь к молодому поколению, автор актуализирует мысль о том, что настоящее мужество — это не только убивать врага, но и принять свою смерть как необходимую часть стратегического плана. Отсюда и появление в финале поэмы собирательного образа крымских малых десантных групп, сыгравших знаковую роль в ходе военных операций по освобождению Крыма.

3.3. Синтез документального и художественного в поэме Г. Поженяна «Ветер с моря»

Личное участие в Эльтигенском десанте, который явился вспомогательной частью масштабной Керченско-Эльтигенской десантной операции, принял и военный корреспондент Г. Поженян, уроженец г. Харькова. Проходя срочную службу на Черноморском флоте, он встретил войну старшиной на крейсере «Молотов». Писать стихи Г. Поженян начал после войны, в 1943 году работал журналистом в газете «Боевая вахта», затем в «Красном Черноморце».

М. Ф. Пяных, анализируя творчество писателя, отмечает: «В отличие от большинства поэтов фронтового поколения Поженян до войны стихов не писал... а твердое решение стать им принял только после войны <...>. Его поэзия — не выражение его изначального художественного призвания и его эстетического восприятия жизни, а исполнение нравственного долга перед другими людьми, в первую очередь — перед погибшими на войне товарищами, у которых он учился мужеству, самоотверженности, совестливости, взаимовыручке» [У Времени на юру, 2014, с. 394].

Поэма «Ветер с моря» (1947) написана по следам одного из самых трагических и героических событий по освобождению Крыма: Керченско-Эльтигенской десантной операции, которая проходила с ноября по декабрь 1943 года около поселка Эльтиген (ныне Героевское, в черте города Керчи). Задачей операции было отвлечь основные силы немецкой обороны, сковать их и не позволить перебросить резервы, направив их против главного десанта. В ходе операции десантникам удалось захватить небольшой плацдарм и удерживать его 36 дней в условиях полной блокады с моря, нехватки боеприпасов и продовольствия. Этот плацдарм вошёл в историю как «Огненная земля» из-за интенсивности боев. Несмотря на то, что плацдарм у Эльтигена в итоге был оставлен, десант выполнил свою главную задачу: отвлек на себя значительные силы противника, что способствовало успешной высадке и удержанию основного плацдарма на севере, у поселка Опасная. Этот плацдарм впоследствии сыграл решающую роль при освобождении Крыма в апреле 1944 года «Героизм и самопожертвование эльтигенцев стали символом мужества советских солдат. Восемнадцать участникам десанта было присвоено звание Героя Советского Союза» [Гладков, 1981, с. 113].

Поэма Г. Поженяна отражает не просто историческое событие, а событие, через которое прошёл сам автор. В военных документах корреспондента газеты «Красный Черноморец» отмечается: «Товарищ младший лейтенант Поженян ходил дважды в боевую операцию в порт Эльтиген как корреспондент газеты. На протяжении всего похода вплоть до конца, когда катер подвергался сильному обстрелу противника, он вёл свою работу, записывая детали боевого похода. Когда под сильным обстрелом катер встал к берегу и требовалась быстрая выгрузка боезапаса из трюмов и с носа катера, тов. Поженян вместе с бойцами катера, невзирая на опасность, принимал активное участие в разгрузке. Во втором походе, менее опасном, тов. Поженян вел себя стойко и мужественно» [Наградной лист].

В поэме «Ветер с моря» лирическое осмысление получают эпизод форсирования Керченского пролива, высадка десантных войск и переброска техники на Керченский полуостров: *«Был приказ прорваться к Эльтигену / днем сквозь строй немецкого заслона. / Командир сказал, что повезло нам, / И поздравил нас. Взбивая пену, / клокотало море»* [У Времени на юру, 2014, с. 390]. Следует отметить, что документальная основа поэмы подтверждается и её посвящением: «Памяти Дмитрия Глухова». Дмитрий Андреевич Глухов — командир 1-го дивизиона сторожевых катеров Черноморского флота, капитан 3-го ранга. За проявленный героизм и отвагу при форсировании Керченского пролива Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1944 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [Глухов Дмитрий Андреевич].

Поэма состоит из двух частей. В первой — переданы внутренние ощущения матросов и их командира, отправляющихся на смертельное задание — прорваться к осаждённому десанту. В центре внимания — мысли командира, который должен вселить уверенность в своих бойцов и выполнить поставленный приказ: *«Что он думал? Думал ли о бое, / что придёт в горячем ознобе, / впилившись в борт десятками пробоин, / в пятнах крови на матросской робе, / или, может, видел над собою / только небо, небо голубое? / Что хотел он? На одном моторе / мирно, не рискуя головою, / проскочить, не встретив немцев в море, / потому, что море — штормовое?»* [У Времени на юру, 2014, с. 391].

Обилие синтаксических средств: риторических вопросов, инверсии, эллипсиса — передаёт ощущение не только внутренней напряжённости, но и динамику внешней стихийной силы шторма и морского боя: *«Я слышал, / как он приказал: — Идти тараном! / По разрывам, в лоб, врезаясь строем! — / Немцев было восемь. Наших — трое. / Немцы шли на малом. Мы — на полном. / Немцы шли за ветром. Мы — сквозь волны»* [Там же, с. 391].

Штормовая стихия моря, сравнимая со штормом огня, передана через внутренние ощущения человека, который сам прошёл сквозь эту огневую стихию. Среди немногих своих товарищей поэт остался в живых. Лирический герой, от лица которого ведётся повествование, тесно слитый с образом самого автора,

свою миссию видит в передаче памяти о тех бойцах, которые положили свои жизни ради освобождения родной земли.

Вторая часть поэмы посвящена прощанию матросов со своим командиром Дмитрием Глуховым, который был убит в смертельной схватке с врагом: *«А на жесткой флотской парусине / Он лежал, сурово сдвинув брови, / В орденях, в морском мундире синем. / Замирало море в изголовье...»* [Там же, с. 392].

Следует отметить, что сквозным образом поэмы выступает образ моря, поэто-му символично название — «Ветер с моря». Штормовое море — это не романтиче-ский пейзаж, а суровая действительность, которая ещё больше усложняет боевую задачу, передавая ощущение хаоса и гнева стихии. Автор показывает не внешнюю сторону подвига, а его внутреннюю, психологическую сторону: ожидание, на-пряжение, попытка сохранить самообладание перед лицом смерти. Автор создаёт своеобразный поэтический репортаж об одном из многочисленных эпизодов осво-бождения Крыма. Историческая ценность поэмы — в предельной достоверности и отсутствии романтизации художественных образов. Она воплощает историческое событие не через констатацию конкретных цифр, а через человеческую судьбу, че-рез один эпизод, в котором, отразился весь ужас и героизм Эльтигенского десанта.

4. Заключение = Conclusions

В заключение настоящего исследования мы пришли к следующим выводам.

Поэзия фронтовиков, участвовавших в освобождении Крыма, представляет собой уникальный художественный и исторический феномен и вносит значи-тельный вклад в изучение образа Крыма и крымского текста. Во многом военная лирика дополняет «военный» миф синтезом исторической правды и глубоки-ми эмоциональными авторскими размышлениями. Это не взгляд со стороны, а «окопная правда», пропущенная через авторский опыт. Творчество Н. Панчен-ко, Н. Тарасенко, Г. Поженяна прежде всего тяготеет к жанру «поэтического ре-портажа», где важную идейно-смысловую функцию выполняет образ нарратора, тесно слитый с образом самого поэта. Обращение к крупным жанровым фор-мам — поэме, стихотворному рассказу — позволяет увеличить угол авторского зрения, даёт возможность репрезентировать эпический охват крымских событий и вместе с тем актуализировать их психологическое восприятие. Главной от-личительной особенностью поэзии лириков военного поколения является до-кументальность как важный эстетический принцип. В центре их поэтического внимания конкретно-исторические события: оборона Севастополя, Керченско-Феодосийская, Керченско-Эльтигенская и другие десантные операции. Синтез документального и художественного позволяет передать точную и в то же время эмоционально-прочувствованную картину боя. Центральными становятся мо-тивы смерти, боли, утраты, скорби по павшим товарищам. Передавая мужество и героизм советских воинов, авторы обращаются к мифологии, легендарному историческому прошлому Крымского полуострова, что во многом способствует

восприятию конкретного географического топоса как сакрального места родного Дома. Более того, «военный» миф в творчестве поэтов-фронтовиков обогащается и усилением героической доминанты, воплощающейся в безграничной силе духа и стойкости русского солдата. Пространство войны мифологизируется, становится местом славы, где время останавливается и человек приобщается к вечности через гибель или героический поступок.

Перспектива дальнейшего исследования видится в углубленном изучении вопросов, связанных с осмыслением особенностей функционирования крымского текста в поэтическом творчестве авторов XX—XXI веков, обратившихся к военной тематике.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Глухов Дмитрий Андреевич [Электронный ресурс] // Герои страны. Международный патристический интернет-проект. — Режим доступа : https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5457&usclid=mo8arpm88a965319383 (дата обращения 20.04.2026).
2. Крым в поэзии : антология : в 7 т. / Сост. В. С. Бойко. — Нижний Новгород : Каравелла, 2014. — Т. 2. — 712 с. — ISBN 978-5-906639-02-8.
3. Наградной лист Поженяна Г. М. [Электронный ресурс] // Память народа : Подлинные документы о Второй Мировой войне. — Режим доступа : https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_predstavlenie7947605 (дата обращения 19.04.2026).
4. Тарасенко Н. Ф. Предгорье Стихотворения и поэма [Электронный ресурс] / Н. Ф. Тарасенко. — Симферополь : Таврия, 1987. — Режим доступа : <https://tarasenkconf.narod.ru/predgorie.html> (дата обращения 14.04.2026).
5. У времени на юру. История Крыма в русской поэзии : антология с комментариями / составление, историко-литературный очерк Л. Корнеевой. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2014. — 527 с. — ISBN 978-966-648-374-7.

Литература

1. Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942 / В. В. Абрамов. — Москва : Яуза, Эксмо, 2006. — 349 с. — ISBN 5-699-15686-0.
2. Абишев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абишев. — Пермь : Изд-во Пермск. ун-та, 2008. — 404 с. — ISBN 5-8241-0234-1.
3. Беспалова Е. К. Крымский микромиф в жизни и творчестве В. В. Набокова : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.02 / Елена Константиновна Беспалова. — Симферополь, 2006. — 20 с.
4. Бондарев А. Г. Чеховский миф в современной поэзии : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Александр Геннадьевич Бондарев. — Красноярск, 2008 — 19 с.
5. Гаврилина Л. М. Символическое пространство «Калининградского текста» / Л. М. Гаврилина // Вестник Томского государственного университета. История. — 2012. — № 2 (18). — С. 66—72.

6. Гармаш П. Е. Город-герой Севастополь 150-летию начала первой обороны Севастополя и 60-летию освобождения города от немецко-фашистских захватчиков посвящается / П. Е. Гармаш. — Симферополь : СОНАТ, 2004. — 142 с. — ISBN 966-8111-17-6.
7. Гладков В. Ф. Десант на Эльтиген / В. Ф. Гармаш. — Москва : Воениздат, 1981. — 224 с.
8. Гудкова С. П. Образ Крыма в поэзии второй половины XX столетия (на материале антологии «Крымские страницы русской поэзии» (1975—2015)) / С. П. Гудкова, Е. О. Шеянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — № 9 (17). — С. 3024—3029.
9. Гудкова С. П. Особенности репрезентации крымских событий эпохи Великой Отечественной войны в поэзии И. Сельвинского / С. П. Гудкова, Е. О. Шеянова // Метаморфозы истории : артефакт, память, имажинация в художественных дискурсах : коллективная монография. — Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2025. — С. 367—376. — ISBN 978-5-908049-34-4.
10. Курьянов С. О. «Тайный ключ русской литературы» : формирование и становление крымского текста в русской литературе X—XIX веков / С. О. Курьянов. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 311 с. — ISBN 978-5-16-014774-1.
11. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого / В. В. Курьянова. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. — 220 с. — 978-5-9906986-5-9.
12. Лисицына Е. Ю. Крымский миф в русской литературе рубежа XIX—XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Ю. Лисицына. — Симферополь, 2019. — 22 с.
13. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. — Таллин : Александра, 1992. — Т. 1. — 479 с.
14. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / А. П. Люсый. — Москва, 2003. — 22 с.
15. Люсый А. П. Русская литература как система локальных текстов : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. П. Люсый. — Вологда, 2017. — 27 с.
16. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе / Н. Е. Меднис. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. — 391 с.
17. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. / В. В. Орехов. — Симферополь — Нижний Новгород : Растр, 2017. — 579 с. — ISBN 978-5-9500835-3-2.
18. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. — 612 с. — ISBN 5-210-01545-9.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026,
одобрена после рецензирования 12.07.2026,
подготовлена к публикации 26.07.2026.

Material resources

- Crimea in Poetry: Anthology in 7 volumes*, 2. (2014). Nizhny Novgorod: Karavella. 712 p. ISBN 978-5-906639-02-8. (In Russ.).
- Glukhov Dmitry Andreevich. *Heroes of the Country. International Patriotic Internet Project*. Available at: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5457&ysclid=mo8apmb88a965319383 (accessed 20.04.2026). (In Russ.).
- Pozhanyan, G. M. Certificate of Merit. *People's Memory: Authentic Documents on the Second World War*. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_predstavlenie7947605 (accessed 19.04.2026). (In Russ.).

Tarasenko, N. F. (1987). *Foothill Poems and a Poem*. Simferopol: Tavriya. Available at: <https://tarasenko.konf.narod.ru/predgorie.html> (accessed 14.09.2026). (In Russ.).

U vremeni na yuru. (2014). *History of Crimea in Russian Poetry: Anthology with Commentaries*. Simferopol: Business-Inform. 527 p. ISBN 978-966-648-374-7. (In Russ.).

References

Abishev, V. V. (2008). *Perm as a Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century*. Perm: Perm State University Press. University. 404 p. ISBN 5-8241-0234-1. (In Russ.).

Abramov, V. V. (2006). *The Kerch Disaster of 1942*. Moscow: Yauza, Eksmo. 349 p. ISBN 5-699-15686-0. (In Russ.).

Bespalova, E. K. (2006). *Crimean micromyth in the life and work of V. V. Nabokov*. Author's abstract of PhD Diss. Simferopol. 20 p. (In Russ.).

Bondarev, A. G. (2008). *Chekhov's Myth in Contemporary Poetry*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnoyarsk. 19 p. (In Russ.).

Garmash, P. E. (2004). *Hero City of Sevastopol: Dedicated to the 150th Anniversary of the Beginning of the First Defense of Sevastopol and the 60th Anniversary of the Liberation of the City from the German Fascist Invaders*. Simferopol: SONAT. 142 p. ISBN 966-8111-17-6. (In Russ.).

Gavrilina, L. M. (2012). The Symbolic Space of the "Kaliningrad Text". *Bulletin of Tomsk State University. History*, 2 (18): 66—72. (In Russ.).

Gladkov, V. F. (1981). *Landing on Eltingen*. Moscow: Voenizdat. 224 p. (In Russ.).

Gudkova, S. P., Sheyanova, E. O. (2024). The Image of Crimea in the Poetry of the Second Half of the 20th Century (Based on the Anthology "Crimean Pages of Russian Poetry" (1975—2015)). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 9 (17): 3024—3029. (In Russ.).

Gudkova, S. P., Sheyanova, E. O. (2025). Features of the Representation of the Crimean Events of the Great Patriotic War in the Poetry of I. Selvinsky. In: *Metamorphoses of History: Artifact, Memory, Imagination in Artistic Discourses: A Collective Monograph*. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. 367—376. ISBN 978-5-908049-34-4. (In Russ.).

Kuryanov, S. O. (2025). *"The Secret Key of Russian Literature": Formation and Development of the Crimean Text in Russian Literature of the 10th—19th Centuries*. Moscow: INFRA-M. 311 p. ISBN 978-5-16-014774-1. (In Russ.).

Kuryanova, V. V. (2015). *The Crimean Text in the Works of Leo Tolstoy*. Simferopol: Business-Inform. 220 p. ISBN 978-5-9906986-5-9. (In Russ.).

Lisitsyna, E. Yu. (2019). *The Crimean Myth in Russian Literature at the Turn of the 19th and 20th Centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Simferopol. 22 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1992). *Selected Articles: In 3 Volumes, I*. Tallinn: Alexandra. 479 p. (In Russ.).

Lyusyi, A. P. (2003). *The Crimean Text of Russian Culture and the Problem of the Mythological Context*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).

Lyusyi, A. P. (2017). *Russian Literature as a System of Local Texts*. Author's abstract of PhD Diss. Vologda. 27 p. (In Russ.).

Mednis, N. E. (1999). *Venice in Russian literature*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University. 391 p. (In Russ.).

Orekhov, V. V. (2017). *In the labyrinth of the Crimean myth. The Crimean myth in Russian culture of the first half of the 19th century*. Simferopol — Nizhny Novgorod: Rastr. 579 p. ISBN 978-5-9500835-3-2. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2003). *Petersburg Text of Russian Literature*. Saint Petersburg: Art-SPB. 612 p. — ISBN 5-210-01545-9. (In Russ.).

*The article was submitted 03.03.2026;
approved after reviewing 12.07.2026;
accepted for publication 26.07.2026.*